

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа¹ является опытом парадигматического анализа систем личных местоимений и личных показателей крупнейшего генетического объединения языков мира – нигеро-конголезской макросемьи Африки. Работа представляет собой попытку доказательства родства нигеро-конголезских языков с помощью реконструкции одной из важнейших парадигматических систем их языка-предка – системы личных местоимений.

В 2013 г. исполняется ровно полвека с тех пор, как американский исследователь Джозеф Гринберг выпустил в свет краткое описание своей гипотезы о распределении языков африканского континента между четырьмя генетическими объединениями, называемыми в литературе макросемьями или, реже, филами: афразийской, нило-сахарской, нигеро-конголезской (ранее часто именуемой также нигеро-кордофанской или конго-кордофанской) и койсанской. В 1963 г. выходит в свет его работа [Greenberg 1963], в которой один из наиболее выдающихся лингвистов XX столетия попытался с помощью своего оригинального метода «массового сравнения» провести контуры генеалогической классификации огромного количества – около двух тысяч – языков Африки. Дж. Гринберг во многом следовал более ранним гипотезам: так, о родстве языков афразийской (более раннее название – семито-хамитской) семьи языков говорили ещё лингвисты первой половины XIX в., идею объединения языков Африки южнее Сахары высказывал В. Блик в середине XIX столетия, а затем Д. Вестерман в начале прошлого века. Тем не менее, так как в работе Гринберга классификацией были охвачены все языки континента, обозначены границы и состав нигеро-конголезской макросемьи, а также предложен и сам термин «нигер-конго», именно 1963 г. можно считать датой появления такой области африканистики, как нигеро-конголезское языкознание.

В течение последующего десятилетия гипотеза Гринберга о существовании четырёх макросемей была позитивно воспринята большинством африканистов и за рубежом, и в СССР. Широким признанием пользуется она и по сей день, несмотря на то что с точки зрения сравнительно-исторического метода обоснования для выделения каждой из четырёх макросемей представлены крайне неравномерно.

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ №10-04-00269 «Диакронические процессы и генетические отношения языков Африки», Программы фундаментальных исследований Секции языка и литературы ОИФН РАН «Язык и литература в контексте культурной динамики» и проекта Фонда ФЛИ № А-11 «Недостающие звенья для реконструкции праязыка нигер-конго».

В вопросе о существовании афразийской макросемьи языков (объединяет семитскую, берберскую, кушитскую, чадскую, омотскую семьи, древнеегипетский язык и произошедший из него коптский) можно говорить о достаточном объёме сравнительно-исторических исследований, позволяющем с уверенностью говорить о составе, классификации и внешних связях афразийских языков. Исследования последних десятилетий позволили реконструировать базовый лексический состав, фонологию, основы грамматической системы афразийского праязыка, выдвинуть ряд гипотез о локализации прародины и реконструкции элементов культуры и образа хозяйствования его доисторических носителей. Довольно глубокая степень изученности языков семьи – на сегодняшний день количество неописанных афразийских языков исчисляется единицами – обеспечивает высокий уровень точности лексической реконструкции, глоттохронологических выводов и анализа морфологии.

Несмотря на множество проблем классификации языков макросемьи, реконструкции праязыка и особенно определения прародины афразийцев, степень изученности афразийских языков, общий уровень сравнительно-исторических исследований в области афразийского языкознания в мире могут служить хорошим примером для специалистов, изучающих языки трёх других макросемей африканского континента.

Уровень исследования последних на сегодняшний день значительно ниже. Нило-сахарские языки, несмотря на их относительную малочисленность (около 200), изучены очень слабо, надёжные генетические связи между различными семьями языков, включёнными Дж. Гринбергом в состав макросемьи, установить пока не удаётся. Относительно уверенно можно постулировать родство семей более низкого уровня, входящих в состав нило-сахарских языков: так, однородность языков нилотской, центрально-суданской, сахарской семей не подлежит сомнению. Однако достаточно надёжно связать их между собой, а также обосновать родство с ними других языков региона «Великого Судана», такие как коман, кадугли-кронго, фур и другие, пока не получается. В последние два десятилетия были выдвинуты две сильно различающиеся между собой гипотезы о классификации нило-сахарских языков и реконструкции их общего языка-предка [Bender 1996; Ehret 2001], однако обе они продолжают подвергаться серьёзной критике в научном сообществе. Существенный шаг в данном направлении будет сделан с выходом в свет в России монографии Г.С. Старостина [2013].

Говоря о языках койсанской макросемьи (не более 30 языков), носители которой разбросаны по Южной и Восточной Африке, исследователи также нередко выражают неуверенность в её обоснованности. Несмотря на ряд существенных типологических сходств в фонологии и морфосинтаксисе, лексические расхождения между отдельными языками чрезвычайно велики, а сходства вполне могут быть результатом многотысячелетнего процесса языковой конвергенции.

Наиболее существенной между тем остаётся проблема идентификации нигеро-конголезской макросемьи языков. Это объединение по генетическому принципу

является крупнейшим в мире, насчитывая более полутора тысяч известных на сегодняшний день языков, распространённых на огромной площади африканского континента южнее Сахары. Другие языковые макросемьи, постулируемые в разное время и с разной степенью научного правдоподобия, не могут сравниться с ней ни по количеству, ни по разнообразию языков, вовлечённых в орбиту исследования. Между тем по степени изученности нигеро-конголезские языки не могут соперничать ни с языками Северной Африки, ни тем более с языками наиболее исследованных на сегодняшний день генетических объединений – индоевропейской, уральской, семитской и других семей.

Согласно гипотезе Дж. Гринберга, в состав нигеро-конголезской макросемьи входят языки, относимые к следующим десяти крупным семьям: бенуэ-конго (включающей в свой состав в том числе более пятисот языков банту), ква, кру, гур, адамауа-убанги, иджойдная, догон, манде, атлантическая (или западноатлантическая), кордофанская. Их состав, а для некоторых семей и сама валидность по сей день остаётся предметом дискуссии, однако при этом за полвека существования гипотезы макросемья не пополнялась и не теряла входящих в её состав объединений.

Спустя полвека после публикации Гринберга нигеро-конголезская гипотеза продолжает оставаться своеобразным «фантомом» сравнительно-исторического изучения языков мира. Метод «выделения сходств», «массового» или «многостороннего сравнения», принятый автором гипотезы для выявления общего генетического происхождения отдалённо родственных языков, является лишь эмпирическим, субъективистским подходом к одной из сфер языка – лексике – и не может считаться методом для такой парадигматической по своей природе науки, как сравнительное языкознание. Фактически Гринберг подобрал некоторый массив единиц базовой лексики (конкретно в работе 1963 г. приведены соответствия из 186 языков по 49 лексемам: именам существительным, глаголам, прилагательным и числительным, а также – в отдельной главе работы – соответствия 52 «нигеро-конголезским» лексемам в языках кордофанской семьи) на основании их более или менее очевидного внешнего сходства в глазах исследователя. При этом не учитывались ни регулярность фонетических соответствий, ни близость семантики лексемы в различных языках. Данные некоторых языков даны в соответствии с источниками, которые уже на момент написания работы Дж. Гринберга можно было назвать устаревшими. Помимо лексических сопоставлений, автор уделил некоторое внимание аффиксам именных классов, распространённых в нигеро-конголезских языках, их фонетическим и семантическим сходствам.

Работу Гринберга можно и весьма полезно рассматривать лишь в качестве первоначальной, рабочей гипотезы для последующего сравнительного исследования. Однако за истекшие со дня её опубликования пять десятилетий такого исследования так и не было опубликовано, и нигеро-конголезскую гипотезу стало принято рассматривать исключительно в контексте сопоставлений Дж. Гринберга, что привело к неверным выводам как сторонников, так и противников идеи нигеро-конголезского родства.

Во-первых, в корне неверно воспринимать работу Гринберга как собственно *доказательство* родства языков. Как известно, любая гипотеза существования общего предка некоторой группы языков должна быть основана на регулярных фонетических соответствиях, построенной на их основе фонетической системы праязыка, реконструкции праязыкового фонда базовой лексики и морфологии. Гринберг вовсе не стремился выполнить эту работу: да она и вряд ли была возможна в те годы и с тем объёмом языкового материала, который был доступен компаративисту полвека назад. Сам автор, вопреки распространённому в последнее время критическому мнению, вовсе не считал свою работу доказательством генетического родства полутора тысяч языков Африки. Он всегда подчёркивал, что его метод «массового сравнения» является лишь предположением родства, некоторой пунктирной линией, которую ещё предстоит верифицировать с помощью собственно сравнительно-исторического метода, активным поборником которого Дж. Гринберг оставался до конца своих дней.

Во-вторых, совершенно неприемлемо пытаться доказать гипотезу Гринберга без использования сравнительно-исторического метода. И «массовое сравнение», и различные виды нестрогой лексикостатистики, широко применяемые в западной литературе, неизбежно страдают субъективностью подхода. Типологический подход, также весьма популярный в зарубежном африканском языковедении прошлого столетия, характеризуется избыточным значением, придаваемым типологии языковых категорий и значений для сравнения языков и их генетической классификации. Так, к примеру, существование системы именных классов само по себе вовсе не является показателем родства языков. Мнение некоторой части западного научного сообщества о том, что языки с именными классами должны быть причислены к нигеро-конголезской макросемье, а языки, не имеющие классов, напротив, следует из неё решительно исключить, не может считаться основательным хотя бы потому, что наличие или отсутствие именных классов является структурной характеристикой языка, а следовательно, может на поверку оказаться по происхождению как генетическим, так и ареальным по происхождению.

Упор на типологические данные и произвольную лексикостатистику как основу для постулирования языкового родства или внутренней классификации языков нигер-конго характеризовал многие работы европейских и американских учёных второй половины XX в., результатом которых стала, пожалуй, лишь утрата доверия большей части научного сообщества к нигеро-конголезской идее вообще и потенциальной возможности реконструкции праязыка макросемьи в частности. Безусловно, впрочем, что и такие работы, пусть и не основанные на строгом сравнительно-историческом методе, ценны для любого исследователя, к тому же в числе их авторов можно назвать крупнейших учёных-африканистов прошлого столетия.

В-третьих, наконец, за последние пятьдесят лет африканское языковедение обогатилось таким количеством нового материала, включающего описание, анализ и сопоставления языков, что безоговорочное принятие научных гипотез полуве-

ковой давности уже не может быть применимо к реальности сегодняшнего дня. Как принятие гипотезы Гринберга, так и её отрицание, таким образом, не имеют ровно никакого смысла до тех пор, пока эта гипотеза не будет верифицирована на базе сравнительно-исторического метода. На сегодняшний день эта задача до сих пор не решена, но именно она является, пожалуй, ключевой для африканского сравнительно-исторического языкознания, одной из важнейших для дальнейшего развития компаративистики вообще.

Как ни странно, но объём научной литературы по комплексному сравнительному анализу языков нигер-конго остаётся крайне небольшим. В качестве примеров крупных исследований, опубликованных в пост-гринбергианский период, можно, пожалуй, назвать лишь работы Г. Мукаровского [Mukarovsky 1976–1977] и Дж. Стюарта [Stewart 2002; 2004], а также сборники обзорных статей по различным семьям [Sebeok 1971; Bendor-Samuel 1989]; остальные работы по нигеро-конголезскому языкознанию представляют собой отдельные статьи (более подробный анализ истории нигеро-конголезского языкознания см. в Главе 1). На сегодняшний день не предложено системы регулярных фонетических соответствий между входящими в неё языками и семьями языков, набор реконструированных различными исследователями праязыковых лексем остаётся довольно малочисленным, при этом многие лексические соответствия продолжают оставаться весьма спорными, «гринбергианскими». В результате последний по времени обзор достижений нигеро-конголезского языкознания в работе [Williamson, Blench 2000] констатирует, что *«ни одной убедительной реконструкции для макросемьи не сделано»*.

Очень мало сделано и в области сравнения грамматических систем языков различных семей, причисляемым к нигер-конго. Между тем именно сравнение элементов морфосинтаксиса может сыграть важную роль в установлении генетического родства и внутренней классификации языков макросемьи. Это признают не только сторонники, но и противники теорий дальнего родства языков: так, по мнению Л. Кэмпбелла, грамматика и особенно парадигматическая морфология являются необходимым критерием для обоснования языкового родства [Campbell, Poser 2008: 4]. Эта точка зрения успешно подтверждается на материале самых разных языков мира, в том числе и африканских. Достаточно сказать, что роль грамматических сходжений при сравнении языков афразийской макросемьи была чрезвычайно велика [Nichols 2010: 363]. Безусловно, для каждой крупной семьи языков роль морфосинтаксического сравнения варьирует в зависимости, в первую очередь, от грамматического строя, присущего её языкам, однако эта роль всегда важна в тех сферах языка, где грамматика пересекается с лексикой.

В условиях огромного количества анализируемых языков и недостаточной степени их изученности исследователю невольно приходится фокусировать усилия лишь на одной специфической сфере языкового анализа лексики или грамматики, например базовом словаре, природной лексике, системе именных классов, числительных или других элементов морфосинтаксиса. Среди таких элементов,

отличающихся высоким уровнем стабильности и фонологической устойчивости в системе языка, можно назвать и показатели грамматической категории лица, т. е. личные местоимения и личные приименные (притяжательные) и приглагольные маркеры (обе этих класса морфем в настоящей работе будут объединены термином «личные показатели»), имеющиеся во всех языках нигер-конго. Личные местоимения, с одной стороны, сами по себе являются лексическими единицами, в том числе входящими в состав самого узкого списка базовой лексики любого языка, а с другой стороны, представляют собой парадигматический класс, что делает их весьма устойчивыми к конвергентному влиянию, заимствованиям и другим изменениям, которым подвержены лексемы других классов.

Одним из важнейших тезисов тех, кто сегодня подвергает всё более массивной критике нигеро-конголезскую гипотезу, является именно тезис об отсутствии реконструкции парадигматической морфологии. Этот постулат непременно звучит практически в каждой скептической статье, посвящённой классификации языков Африки южнее Сахары. Анализ такой парадигматической системы, как личные показатели, и убедительная реконструкция праязыкового состояния этой системы позволят нигеро-конголезской макросемье избавиться от статуса гипотезы и встать на более прочную основу с точки зрения современной компаративистики.

Целью настоящей работы является комплексный сравнительно-исторический анализ систем личных показателей в различных языках нигеро-конголезской макросемьи и попытка реконструкции такой системы для праязыка макросемьи. Научными результатами работы будут считаться научное обоснование или опровержение гипотезы генетического родства нигеро-конголезских языков, демонстрация возможности реконструкции грамматической подсистемы праязыка макросемьи, определение путей дальнейшего совершенствования методик определения дальнего родства языков и углубления исследований в области африканского сравнительно-исторического языкознания в целом.

Итогом работы вовсе не обязательно должно стать доказательство или опровержение существования нигеро-конголезской макросемьи в том виде, в каком она была предложена Дж. Гринбергом. Напротив, мы стремимся показать, что системы личных показателей предоставляют широкие возможности для переоценки и модификации классификации нигеро-конголезских языков и постановки вопросов об обоснованности включения в её состав тех или иных групп и семей языков. В результате сравнения нигеро-конголезский генетический статус некоторых из них вполне может быть оспорен.

Важным промежуточным результатом исследования станет объединение в рамках одной работы материала по личным показателям сотен языков Тропической Африки, который впоследствии может быть использован как типологами, так и компаративистами, а также специалистами по общему языкознанию. Свод такого справочного материала на сегодня не имеет аналогов в мировой литературе.

Особое значение работа может иметь для развития отечественного языкознания. Широкое открытие африканского континента и доступа к зарубежным рабо-

там по африканистике в настоящее время служат естественными источниками роста интереса российских лингвистов к данной области языкознания. Вместе с тем изучение языков Тропической Африки можно назвать относительно новым направлением в России, в т. ч. в рамках всемирно известной отечественной школы сравнительно-исторического языкознания. Именно в последние годы появляется немалое количество работ, посвящённых сравнительному анализу языков Африки южнее Сахары. Среди них – работы В.Ф. Выдрина по языкам манде, К.И. Позднякова по атлантическим языкам, Г.С. Старостина по языкам койсанской и нило-сахарской макросемьи и целый ряд других. Публикуются и первые в отечественной африканистике обобщающие работы по типологии языков Африки: среди них можно отметить исследования В.А. Плунгяна, И.С. Аксёновой, А.Ю. Желтова и других.

Настоящее исследование является первым в отечественном языкознании опытом комплексного сравнения языков нигеро-конголезской макросемьи. Можно рассчитывать, что оно станет базой для более интенсивного изучения африканских языков в учебных и научных центрах нашей страны, включая как полевые экспедиции для описания малоисследованных языков Африки, так и типологические и сравнительно-исторические исследования.

Кроме того, настоящее исследование позволяет применить методы российской школы компаративистики на новом, чрезвычайно интересном материале – крупнейшем генетическом объединении языков в мире. Это позволит, где возможно, отшлифовать, скорректировать или усовершенствовать методологию установления дальнего родства языков, разработанную Московской компаративистической школой преимущественно на материале языков Евразии, достижения отечественных лингвистов в области синхронной и диахронической типологии, другие методологические открытия, сделанные за последние десятилетия в отечественном языкознании. Существует возможность внести вклад в типологическое и сопоставительное изучение местоименных систем языков мира, получившее развитие в Советском Союзе и современной России ещё со времён работ И.И. Мещанинова, К.Е. Майтинской и других выдающихся учёных-лингвистов.

Работа будет логично вписываться в процесс развития российской африканистики и способствовать дальнейшему росту интереса отечественных языковедов к исследованиям языков африканского континента, к сравнительно-историческому языкознанию и истории языка в целом.

Исследование представляется важным и с точки зрения развития мировой африканистики. Именно сейчас в мировом африканском языкознании, в которое уже прочно интегрированы российские африканисты, назрела очевидная необходимость ревизии, переоценки и усовершенствования генеалогических гипотез, выдвинутых Дж. Гринбергом. В последние десятилетия появляются фундаментальные труды в области изучения нило-сахарских и койсанских языков, коренным образом меняющие представления XX столетия на их генезис и классификацию. На смену субъективистским тенденциям прошлого века – безусловному принятию

или огульной критике наследия Гринберга – приходит понимание необходимости суммировать достижения последних десятилетий и провести комплексный сравнительный анализ языков различных семей, возводимых к общему праязыку.

Именно с этой целью в 2010 г. стартовал международный проект «Праязык нигер-конго: сравнение и реконструкция», инициированный российскими учёными. Проект объединил крупнейших учёных-компаративистов со всего мира, специалистов по различным языковым семьям Тропической Африки, в том числе Д. Нурса, Л. Хаймана, К.И. Позднякова, В.Ф. Выдрина, Х. Диммендаля, Д. Хита, Ж. Филипсона, Ж.-М. Омбера, М.-Э. Дакубу, Л. Зогбо (Маркеше) и других. Целью его является проведение ступенчатой реконструкции базовой лексики и основных систем грамматики праязыка нигер-конго. На первом этапе командами учёных будет осуществлена и опубликована реконструкция элементов праязыков отдельных семей, входящих в состав макросемьи. На втором этапе на основании полученных результатов будет проведена реконструкция собственно праязыка макросемьи, его фонологической системы, базового лексического состава, системы морфологии и элементов синтаксиса. Настоящее исследование может стать важным вкладом в данный проект, первые результаты которого должны быть опубликованы в 2013–2014 гг.

Необходимо отметить огромное значение, которое будет иметь научное обоснование нигеро-конголезской гипотезы для изучения истории африканского континента и всего Старого света. В условиях всё ещё крайне недостаточных исторических и археологических данных о народах, цивилизациях, культурах древней Африки именно языкознание может предоставить важнейшие инструменты анализа таких процессов, как доисторические миграции, взаимодействие различных народов и культур на африканском континенте, в том числе с народами Европы и Азии, путях доисторического развития человека, его материальной и духовной культуры. Данные лингвистики, и прежде всего сравнительно-исторического анализа, за последнее столетие не раз доказали своё значение в рамках междисциплинарного подхода к изучению древнего человека, стоит назвать хотя бы фундаментальную работу Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванова [1984], проливающую свет на целый ряд аспектов доисторической культуры индоевропейских народов Евразии. Реконструкция же нигеро-конголезского языка в этом смысле представляется не менее важной именно из-за недостатка исторических данных о первобытном периоде развития человека в тропической Африке. Такая реконструкция поможет отодвинуть хронологическую границу наших знаний на двенадцать – четырнадцать тысяч лет назад, выдвинуть гипотезы о прародине нигеро-конголезских народов, их культуре и уровне материальных достижений, о живой и неживой природе Африки, о миропонимании, которое отличало доисторического человека «чёрного континента». Возможности использования результатов такой реконструкции для развития гуманитарных знаний о народах Африке поистине трудно переоценить.

Работа суммирует исследования в области сравнительного анализа личных показателей в нигеро-конголезских языках, проводимые автором в течение ряда

лет. Методической основой для работы с личными показателями африканских языков послужила монография о происхождении индоевропейских личных показателей [Бабаев 2008]. Вместе с тем, так как языки нигеро-конголезской макросемьи по целому ряду важнейших типологических параметров далеко отстоят от языков семей Евразии, представлявших собой предмет указанной монографии, методология работы была существенно усовершенствована; её детальное описание содержится в Главе 1.

Работа над материалом нигеро-конголезских языков была начата с анализа личных показателей в языках бенуэ-конголезской семьи – наиболее крупной и изученной на сегодняшний день семьи языков нигер-конго, включающей, в частности, языки банту. Первые результаты исследования были опубликованы в отечественных и зарубежных периодических изданиях, в т. ч. [Babaev 2008; 2010a], апробированы выступлениями автора в ходе научных конгрессов и конференций в России и за рубежом, в том числе международной конференции «Проблемы дальнего родства языков. Памяти С.А. Старостина» (Москва, март 2009 г.), VI Всемирного конгресса по африканским языкам (Кёльн, август 2009 г.), IV Международной конференции по языкам банту (Берлин, апрель 2011 г.).

Реконструкция личных местоимений в языке семьи ква, считающихся наиболее близкими родственниками бенуэ-конголезских языков, стала логичным продолжением исследования: некоторые её результаты были суммированы, в частности, в статье [Бабаев 2010].

Участие автора в Российской лингвистической экспедиции в Западную Африку (Гвинея, Кот д'Ивуар) в 2010 г. позволило вплотную заняться сравнительным исследованием языков семьи манде. В 2010–2011 гг. опубликован ряд статей, обобщающих итоги работы по синхронному и сравнительному анализу личных показателей в языках манде, в том числе монографии [Бабаев 2011a; Babaev 2011], статьи [Babaev 2010b; Бабаев 2011б; 2012a]. Данные исследования также апробированы в ходе научных мероприятий: XXVI Международной конференции «Источниковедение и историография стран Азии и Африки» (Санкт-Петербург, апрель 2011 г.), III Коллоквиуме по изучению языков манде (Париж, сентябрь 2011 г.).

В 2011–2012 гг. опубликован ряд статей автора о личных показателях в языках семей гур [Бабаев 2012б], убанги [Бабаев 2012в], в атлантических языках [Бабаев 2012г]. Одновременно отработывалась методология исследования, публиковались работы по типологическому и сравнительному анализу грамматических категорий личных показателей в языках нигер-конго [Бабаев 2012д].

Итоговые результаты исследования доложены и обсуждены на Международном Конгрессе «Праязык нигер-конго: сравнение и реконструкция» (Париж, сентябрь 2012 г.).

Эти и другие работы и доклады на научных форумах легли в основу настоящего исследования.

Работа разделена на десять глав и структурирована на основе таксономического принципа.

В Предисловии даётся краткий экскурс в историю сравнительно-исторических исследований нигеро-конголезских языков.

Первая глава носит вводный и общетеоретический характер: в ней описаны основные методики, с помощью которых наши предшественники подходили к вопросу сравнения нигеро-конголезских языков, описан методологический инвентарь, использованный в нашем исследовании.

Главы 2–9 посвящены сравнительному анализу систем личных показателей в языках отдельных семей в составе нигеро-конголезской макросемьи. Рассмотрение различных семей проводится в определённой последовательности, согласно современным взглядам на классификацию языков нигер-конго, таким образом, что материал каждой последующей главы представляет собой следующую ступень при последовательном движении к «корням» генеалогического древа – то есть собственно нигеро-конголезскому языку-предку.

Глава 2 посвящена сравнению бенуэ-конголезских языков, Глава 3 – языков ква, Глава 4 – языков семьи гур. Глава 5 объединяет параграфы, посвящённые языкам убанги и адамауа. В Главе 6 анализируется семья языков кру. Главы 7 и 8 посвящены рассмотрению личных показателей в языках манде и атлантических. Наконец, в Главе 9 даётся обзор систем личного маркирования в небольших семьях, информации о которых на сегодняшний день относительно немного: догонских, кордофанских и иджоидных языков.

Итоги работы подводятся в Главе 10, где предложена реконструкция форм и функций нигеро-конголезской системы личных показателей, а также пути трансформации систем личного маркирования каждой семьи языков от праязыкового состояния до современности. Предложена также существенная модификация генеалогической классификации языков нигер-конго, исходя из проведённого анализа. Кроме того, для сопоставления даны краткие описания местоименных парадигм в языках других макросемей Западной и Центральной Африки, доказывающие их несводимость к предложенной нигеро-конголезской реконструкции.

В Заключении даётся оценка значимости результатов проведённого исследования, намечаются дальнейшие перспективы сравнительного исследования морфологии и синтаксиса нигеро-конголезских языков, реконструкции праязыковой грамматической системы.

Работа дополнена обширным библиографическим списком, содержащим работы отечественных и зарубежных африканистов, типологов, специалистов по общему и сравнительно-историческому языкознанию за период более чем в полтора столетия.

Текст работы снабжён фразовыми примерами, каждый из которых glossирован с использованием Лейпцигских правил glossирования и сокращений².

² <http://www.eva.mpg.de/lingua/resources/glossing-rules.php>

Все языковые данные, содержащиеся в работе, приведены к общей транслитерации сегментных и супraseгментных элементов фонологии в соответствии с Международным фонетическим алфавитом (IPA), с некоторыми исключениями:

знаком *y* обозначается палатальный глайд;

знаком *j* обозначается звонкая палатальная аффриката [dʒ];

знаком *w* обозначается лабиальный глайд;

знаком *o* обозначается огублённая заднерядная напряжённая (+ATR) гласная.

При обозначении долготы гласных, согласно африканистической традиции, используется удвоенная гласная.

Благодарности

Хотелось бы выразить искреннюю благодарность коллегам, оказавшим мне содействие в работе, в том числе своими отзывами и замечаниями, советами по различным вопросам сравнения и реконструкции, предоставлением необходимого материала, включая рукописи неопубликованных работ.

Автор особенно благодарен:

В.Ф. Выдрину – за неизменно критическую оценку промежуточных результатов работы, благодаря которой окончательные результаты оказывались уже не столь безнадёжными;

К.И. Позднякову – за снисходительность к ошибкам, помощь в поиске труднодоступной информации и заразительный энтузиазм в изучении удивительного мира африканских языков;

В.Я. Порхомовскому – за ценные замечания в ходе рецензирования моих научных статей и поддержку в самые трудные минуты работы над проектом;

В.А. Плунгяну – за дружбу и поддержку во всех начинаниях, в том числе и при планировании данного исследования, а также за долю здорового скепсиса в адрес праязыковой реконструкции;

А.В. Дыбо и Г.С. Старостину – за неоценимую помощь при разработке методологии исследования;

В.А. Дыбо, Н.В. Громовой, О.В. Столбовой, К.Г. Красухину, Ю.А. Ландеру и другим – за критические отзывы о работе, сильно повысившие её качество;

А.Ю. Желтову – за редкие до степени уникальности данные по языкам адамауа, кропотливо собранные по моей просьбе в ходе нелёгкой полевой экспедиции;

А.Б. Шлуинскому – за множество лингвистических и экстралингвистических дискуссий, в ходе которых неизбежно рождалась истина;

М.Л. Хачатурьян – за редакторский талант и рациональные замечания о тех частях текста, которые были позже отправлены в корзину.

Не могу не поклониться памяти одного из крупнейших отечественных лингвистов – С.А. Старостина, который открыл мне чарующий мир человеческого языка и учеником которого я с гордостью буду считать себя до конца своих дней.

Хочу также высказать благодарность зарубежным коллегам, оказавшим содействие при подготовке и проведении исследования: Л. Хайману, Г. Сежереру, Б. Коннелу, Р. Карлсону, Т. Гюльдемону, Дж. Гуду, М.-Э. Дакубу, У. Кляйневиллингхёферу, Т. Шадебергу, Л. Зогбо, С. Мак-Гиллу и многим, многим другим.

В то же время все недостатки данной работы всецело лежат на совести автора.